

Дюк Степанович (2)

Из той из Нижной Малой Галицы,
Из той Корелочки да из богатой,
Выезжал-то на добром коне, на троелеточке,
Молодой Дюк да сын Степанович,
Выезжал на горы на высокия,
На ти на шóлони окатисты,
Он смотрел-глядел на вси на дальны стороны
Из той из трубочки подзорной.
Сперва смотрел под сторону под северну —
Видны — стоят там ледяны горы;
После смотрел под сторону восточную —
Там видно: стоят да леса темные;
После смотрел под сторону под летную —
Там видно: стоят да поля чистыи,
Видно: стоит там стольной Киев-град;
Затим смотрел под сторону под западну —
Там видно: стоят да моря синие,
Там плавают гуси-лебеди
На тихих вёшных заводях.
Оттуль молодой да поворот дает,
Приезжат назад во Нижну Малу Галицу,
Во Корелочку да во богатую,
Ко той ко матушке ко родимой,
Честой вдове Омельфе Тимофеевне.
Пал Дюк тогда матушке во резвы ноги,
Просит у ней благословленьица съездить в Киев-град.
Не дават ему мать благословленьица.
Он и падат ей да во второй након,
Говорит сам таково слово:
«Ой еси, матушка родимая!
Дай мне-ка благословленьице от буйной главы до сырой земли
Съездить в Киев-град,
Посмотреть князя Владимера».
Не дает ему матушка благословленьица.
Падат Дюк да во третей након

И говорит ей таково слово:

«Уж ты дашь — поеду и не дашь — поеду».

Говорит ему Омельфа Тимофеевна:

«Уж ты ой еси, дитятко родимое,
Молодой Дюк да сын Степанович!
Молодешинёк ты, зеленёшинек».

Но дала ему благословленьицо от буйной главы до сырой земли.

Стал тут молодец снаряжаться,

Стал сподоблятися ехать в стольной Киев-град.

Говорит ему матушка родимая,

Чесна вдова Омельфа Тимофеевна:

«Когда ты приедешь в стольной Киев-град
И будешь на честном пиру, —

Княженевски пиры злы-омманчивы —

Дам тебе я перстяночки барановы,

Подари ты старому казаку Илье Муромцу».

Говорит ей молодой Дюк да сын Степанович:

«Как узнаю я Илью Муромца?»

Говорит ему Омельфа Тимофеевна:

«Когда приедешь ты в стольной Киев-град

Ко той ко грине княженевской,

Все уйдут во божью церковь.

Приезжай и ты ко божьей церкви

И заходи во божью церковь —

Крест клади по-писаному,

Поклон — по-ученому,

Поклонись на вси четыре стороны,

Подойди на право кры́лосо,

Служат тут обенню воскресенскую;

Простой ты службу воскресенскую,

Подойди к дверям церковным;

Пойдет народ из божьей церкви:

Сперва пойдут мешшана пригородныи,

Затем пойдут хрестьяна православныи,

Затим купцы, люди торговые,

И тогда пойдут руськие богатыри,

Позади всех идет стар казак Илья Муромец,

Перстянки эти ему в любы придут;

Тогда, куда он пойдет,

Туда тебя за собой поведет».
Простился с матерью родимой
Молодая Дюк да сын Степанович,
Поехал тогда в стольной Киев-град.
Едет здраво поле чистое,
Здраво едет лесы темныи,
Приезжат тогда в стольной Киев-град,
Приезжат ко грине княженевской.
Князь ушел во божью церковь,
А за ним все русские богатыри.
Приезжат Дюк ко божьей церкви,
Слезават со добра коня,
Вяжет коня к дубову столбу
И заходит тогда во божью церкву.
Богу тогда он да молится,
Поклон кладет по-писаному,
Крест — по-ученому,
На вси стороны покланяется,
Приходит на право крылосе,
Слушат обедню воскресенскую.
Потеснил он на правом крылосе
Чурила млада Пленковича.
Не стерпливой на то Чурило был,
Говорит тогда Чурило Пленкович:
«Что это за такой за балбан пришел,
Совсем сучьем необтесанной?»
Говорит ему Дюк сын Степанович:
«Не то нынче поют, да не то слушают,
Поют и слушают обедню воскресенскую».
Подходит Дюк да сын Степанович
Ко тем ко дверям ко церковным,
Пошел народ из божьей церкви:
Сначала пошли хресьяне православныи,
Затем пошли мешшане пригородныи,
Затем пошли купцы, люди торговые,
Тогда пошли русские богатыри,
Позади всех идет стар казак Илья Муромец.
Подарил Дюк перстяночки Илье Муромцу,
Принимал стар казак Илья Муромец перстяночки,

В любѣ пришли ему перстяночки барановы,
И ведет удала добра молодца, куда сам идет.
И пошли все русские богатыри
К тому ко князю ко Владимиру
На тот да на почесен пир.
Садит их солнышко Владимир-князь за дубовы столы.
Водле ся садит стар казака Илья Муромца,
Добра молодца за передний стол.
Сидят все они на чесном пиру,
Пьют, едят чего Бог послал;
Все стали они пьянешиньки,
Все стали веселешиньки,
И молодья Дюк да сын Степанович
Стал пьянѣшинѣк да веселѣшинѣк.
Сидит он — колачик бел-крупичетый поламыват,
Середочку колачика закусыват,
Верхню корочку на стол кладет,
Испонню корочку под стол кидат
И говорит таково слово:
«У нас во Нижной Малой Галиче,
Во Корелочке богатой,
У матушки родимой,
Честной вдовы Омельфы Тимофеевне,
У нас — колачик ешь, другой хочется, третий просится;
Подики у нас менные,
Дровца были соломенны,
А у вас верхняя корка пахнет сосенкой,
А исподня пахнет гнилкою».
Говорит на это Чурило млады Пленкович:
«Что это за такой богач пришел?
Над тобой, над князем, гость ломается,
Над божьим даром изгиляется».
Подходит Чурило к Дюку Степановичу:
«Давай, ударимся об велик заклад,
Которой которого платьем цветным перщепат».
Говорит на это Дюк Степанович:
«У тебя дело домашнее,
У меня дело заезжее —
Дай сроку на суточки

Съездить по платью цветное».

Дават ему Чурило время срочнаго на суточки,

Ударились во велик заклад,

Не во сто рублей, не во ты́сячи —

О своих да буйных головах.

О Чуриле поручаются бояры толстобрюхие,

О Дюке — стар казак Илья Муромец.

Писал тут Дюк Степанович

Ярлык-скору грамоту

К своей родимой матушке,

Честной вдове Омельфе Тимофеевне,

Чтобы послала матушка родимая

То платью цветное,

Которое оболока́л трижды в год.

И пошел Дюк на улицу ко добру коню,

Кладет ярлык в седёлышко черкальчето

И отправляет во Нижню Малу Галичу.

Побежал его добрый конь во Нижню Малу Галичу.

Увидала его Мамельфа Тимофеевна через окошечко хрустальное,

Прочитывала ярлык-скору грамоту

И вложила платью самоцветное в седёлышко черкальчето,

И отправила коня назад в стольный Киев-град.

175Наредились тогда оба боярина

И хочут идти во божью церковь;

У обеих платью у них хорошоё —

Провел рукой правой Дюк Степанович по белым грудям,

По тем по пуговкам вальяжним,

И заревели его пугови вальяжные

Всеми разными голосами,

Как во чистом поле серы волки завояли.

Провел и Чурило Пленкович по белым грудям,

Но не заревели у него пугови.

Пошли они ко князю Владимиру,

И говорит Дюк сын Степанович:

«Уж ты ой еси, стар казак Илья Муромец!

Что я стану с Чурилой делати?»

Говорит тут стар казак Илья Муромец:

«Во первой вины Бог простит».

Говорит тут Чурило Пленкович:

«Давай ударимся об велик заклад,
Не во сто рублей, не во тысячу —
О своих ле буйных головах:
Давай скакать через Непр-реку?»
Ударились об велик заклад,
Садились они на добрых коней,
Говорит Чурило млады Пленкович:
«Скачи ты первой, Дюк Степанович».
Говорит Дюк Степанович:
«Которой накликают, тот наперед ступат».
Погонил Чурило и середка реки конь его обрюшился.
Разгонилося тогда и Дюк Степанович,
Схватил Чурило за желты кудри
И вытащил на берег с его конем.
Говорит Дюк Степанович:
«Ой ты ой еси, стар казак Илья Муромец!
Что я нынчи над Чурилой стану делати?»
Говорит стар казак Илья Муромец:
«Во первой-то вины его Бог простил,
Во второй вины ты прости».
Чурило был роду заплывчива:
«Давай ударимся еще о велик заклад?»
Поручилися о Чуриле князья и бояры,
А о Дюке — стар казак Илья Муромец.
Пошел Чурило млады Пленкович
Во те во лавочки торговая
Купить чернил на пятьсот рублей
И бумаги на тысячу,
Собрали писарей и пошли описывать животы.
Писали, писали, описали бумагу, чернила,
Поежжают они во Нижню Малу Галичу
И видят, что будто огонь горит,
А это Дюков высок терем стоит, лучи мечет.
Ходит у крута крыльца работница.
Слезавают они со добрых коней
И работнице низко кланяются:
«Здравствуй ты, Омельфа Тимофеевна!»
Говорит им работница:
«Я не Омельфа Тимофеевна, я ее служаночка,

Омельфа Тимофеевна во божьей церкви;
Когда она пойдет из божьей церкви,
Впереди ее идут сукно стелят,
Позади трубу вертят,
Подле бок идут куфарочки,
На ней платье не погнется».
Заходят эти писаря в высок терем,
Затим повел их Дюк на конюшен двор
Писать заводы лошадиные.
Писали они заводы лошадиные,
Издержали бумаги на пятьсот рублей, чернил на тысячу;
Заходили они тогда да во высок терем,
Принесли им братынечку позолочену,
А у ней, братынечки, семьдесят семь рожков,
Из каждого рожка бежат напитки разные.
Не могли ей дать цены оценщики.
Говорит тогда Омельфа Тимофеевна:
«Заложит пуцай солнышко Владимир-князь стольной Киев-град
И тогда приедет животы мои описывать».
Возвратились тогда писаря и оценщики в стольной Киев-град.
Говорит тогда Илье Муромцу Дюк Степанович:
«Что я буду над Чурилою теперь делати?» —
«Ой ты ой еси, Дюк Степанович!
Пусть он будет меньшей брат, а ты старшой,
А вперед не хвастает».

(Зап. Ончуковым Н. Е.: июнь 1901 г., сел. Усть-Цильма Печорского у. — от Поздеева Петра Родионовича, 65 лет.)

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.